

**СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
И ДРУГИЕ ВИДЫ АВТОРИЗАЦИИ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ
(на материале Словаря вологодских говоров)***

Диалектный словарь является особым типом письменного текста. Культурологическая, историческая, метакоммуникативная и иная информация, содержащаяся в словарных статьях, находится в своеобразном лингвистическом обрамлении, созданном составителями словаря. Фиксация лексики, ее отбор и расположение во многом зависят от собирателей, исследователей и составителей, однако велика и роль информантов, их активная позиция в подаче и интерпретации языкового материала.

И.Т. Вепрева в монографии «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху», говоря «об усилении метаязыковой деятельности говорящего с телеэкрана, в радиоэфире, в живом публичном общении» [Вепрева: 87], отмечает две противоположные тенденции в оценке метакоммуникации диалектоносителей: одни исследователи (Т.С. Коготкова, Г.В. Калишкина, А.П. Ростова) считают её явлением довольно редким, другие (например, В.Д. Лютикова) высоко оценивают лингвокреативный потенциал носителей диалектной речи.

Анализ Словаря вологодских говоров (в дальнейшем – СВГ; в данной статье сохранены использованные в словаре сокращения названий районов и населенных пунктов) позволяет поддержать и развить вторую точку зрения на роль информантов из диалектной среды.

Можно выделить несколько типов «голосов» в диалектном словаре. Прежде всего это анонимные информанты как авторы высказываний, их диалоги с собеседниками, будь то односельчане или собиратели, которые старательно «вытягивают» и уточняют нужную им информацию. Уникальная «книга памяти», в которой отражены и сохранены индивидуальный и обобщенный жизненный опыт, воплощено персональное и коллективное мнение о тех или иных событиях народной жизни, содержит и переключку «голосов» ее создателей. Так формируется субъективно-оценочный модус отдельных высказываний и всего текста словаря.

Оценка содержания пропозиции со стороны субъекта создает, как известно, модальную рамку, которая накладывается на пропозицию. Одним из компонентов этой модальной рамки является авторизация, объединяющая не только способы и средства обнаружения, выявления говоря-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 08-04-00-268 а «Систематизация лексического фонда современных вологодских народных говоров».

шего, но и выражение его отношения к предмету речи. Понятие авторизации в русистике введено и используется Г.А. Золотовой, а вслед за ней М.В. Всеволодовой, С.А. Шуваловой, Г. Лиловой и другими исследователями. А. Мустайоки в [Мустайоки: 284–291] определяет авторизацию как указание на то, с чьей точки зрения рассматривается данное положение дел, и выделяет три ее разновидности: автор мнения, оценка и достоверность. Все эти разновидности находят самое непосредственное отражение и в СВГ. В данной статье обратимся к анализу последнего вида авторизации.

Оценка говорящим степени достоверности высказываемого традиционно рассматривается в рамках категории субъективной модальности. А.В. Бондарко пишет, что «модальность может рассматриваться как комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности...» [Бондарко: 59]. В этот комплекс входят, в частности, оценка достоверности высказывания и эвиденциальность (засвидетельствованность). «Позиция говорящего» в явном или скрытом виде включается в любое истолкование модальности. В каждой из модальных категорий точка зрения говорящего выступает в особом аспекте актуализации» [Бондарко: 64]. О точках зрения на основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе, см. [Бирюлин, Корди: 67–71].

Е.И. Беляева, подробно описавшая функционально-семантическое поле достоверности [Беляева: 157–170], характеризуя степень осведомленности говорящего о связях и отношениях действительности, выделяет в структуре ситуации достоверности два микрополя – вероятности и истинности. Вероятность отражает степень уверенности говорящего в наступлении того или иного события в реальной действительности, а оценка говорящим истинности содержания высказывания проводится по параметрам *правда – неправда*.

Центральными средствами выражения достоверности являются модальные (по другой терминологии – вводно-модальные или вводные) слова и устойчивые выражения. На периферии оказываются разнообразные частицы, междометия, имплицитно достоверность передается глагольными формами в переносных значениях и целым рядом синтаксических конструкций. В статье речь пойдет об основных способах выражения достоверности.

В СВГ зафиксировано употребление как стилистически нейтральных, относящихся к литературному языку, так и разговорно-просторечных слов, передающих степень осведомленности говорящего в достоверности информации. Так, информант, пытаясь объяснить этимологию слова *кб-маник*, имеющего значение 'толстая лепешка, намазанная манной кашей',

использует для выражения невысокой степени уверенности в своих лингвистических «разысканиях» вводное слово *наверное*: *Кóмаником так зовут, навёрное, потому́, что ком тэста раската́ют, посы́плют ма́нкой и пеку́т ко́маники*. Влгд. Лар.

Семантику предположения передает слово *может*: *А то, мо́жет, в лес пойд́ите, каку́ю-набу́дь гу́бину* ('общее название съедобных грибов') *принесе́те*. К-Г. Плоск. Зафиксировано и диалектное произношение этого общенародного вводно-модального слова: *На́глядко, мо́жот, иши́о остригу́сь*. Влгд. Кус. *Мо́жот, желе́зные бу́дут вкола́чивать* ('вставлять') *зубы-то*. Тарн. Харит. А следующим шагом в «приспособлении» его к говору стало стяжение до *мот*: *Я, мот, хо́дко* ('быстро') *ска́зываю?* Межд. Голуб. *Мот, не пойд́ем, СлаУка?* В-У. *Вот поед́ете к нему́, мот, уви́дите*. Тот. У-Печ.

Неоднократно встречается и разговорное слово *поди*: *Вы бы́ли, поди́, на капу́стнике-то?* Кир. Петр. *Загибу́шки-то* ('маленькие пироги с начинкой') *у тебя́ бо́льно добры́. С я́годами, поди́? Дай испробова́ть-то*. Верх. Боров. *Лони́сь ма́льчик потону́У, поди́, во вьюн* ('водоворот, вихревое движение воды в реке') *пона́У*. Сок. Вас. А еще в СВГ зафиксированы диалектные, образованные на его основе слова *поди́косу, поди́кося, пои́*: *Ма́рия, поди́косу, там на огоро́де*. Верх. Ворон. *Поди́кося, ве́дь у́читесь, дитя́тки, ве́дь так бы пи́сать бы не ста́ли*. К-Г. Монд. *Пои́, и трудоде́нь не зарабо́таем*. Кир. Сухов. *А в се́не ли́стьё-то шабарши́т, дак, пои́, там грести́ порá*. Вож. Заб. Все они имеют значение 'наверное, вероятно'.

Широко представлены в СВГ собственно диалектные вводно-модальные слова, они имеют грамматическую помету: *в значении вводного слова*. В вологодских говорах встречаются целые синонимические ряды таких слов, передающих авторскую оценку вероятности описываемых событий и фактов. Так, значение 'может быть, возможно, пожалуй' выражается с помощью слов: *бат* и *бать*, *бу́де, бу́дэ, бу́ди* и *бы́де*: *Я, бат, и приду́*. Баб. Выс. *Бе́рда не дева́й некуда́, бат, приходя́ще*. Тарн. Рамен. *Бору́шки-то у нас, ба́ть, и нет*. Тот. Завр. *Хле́ба-то, бу́дэ, и там ку́пите?* Кир. Рус. *Де́вки, бу́де, помо́гут мне корбу́ заста́ть*. Тот. Браг. *За́втра, бу́ди, Ма́руся прие́дет*. Баб. Юрк. *Юбка-то, бы́де, от тра́вы э́дакая зеле́ная ста́ла*. Сок. Феоф.

Анализ диалектного материала позволяет с полным основанием говорить лишь о двух степенях уверенности говорящего в вероятности описываемых пропозицией событий: высокой и низкой. А средний, нейтральный уровень достоверности будем усматривать в высказываниях, не содержащих специальных средств для выражения оценки вероятности. И в литературном языке промежуточное, среднее звено этой классификации вычленяется, на наш взгляд, довольно условно и далеко не всегда последовательно, что отмечают исследователи [Беляева: 165–166]. Об этом же

пишет А. Мустайоки: «шкала разных степеней вероятности на самом деле не ступенчатая, а составляет континуум разных возможностей» [Мустайоки: 287].

Выражение высокой степени уверенности говорящего встречается в СВГ значительно реже, чем предположение, допущение тех или иных событий. Нами обнаружено употребление диалектного слова *найдо́к* со значением 'само собой разумеется, без сомнения, конечно': *Дождж-от всё идёт, дак, найдо́к, не пойдём никудá.* Сямж. Рам. Это же слово функционирует в другом контексте как утвердительная частица 'да, разумеется': *Мань, ты пойдёшь зáвтра на концёрт-то? — Найдо́к. На́до ведь посмотре́ть-то.* Сямж. Рам. Слово *зна́тко* в функции вводного компонента со значением логического вывода 'следовательно, значит' содержит имплицитно и оттенок высокой степени уверенности говорящего: *Ушёл он совсём то́бий, зна́тко, есть не́чего у них.* Тот. Мос.

Уверенность говорящего передается также устойчивыми сочетаниями с опорным словом *де́ло* – *конёчное де́ло, зна́мо де́ло*: *Покóс-то у них далеко́, конёчное де́ло, далеко́.* Сямж. Рам. Словарь русского языка [МАС 1, 616] фиксирует сочетание *зна́мо де́ло* с пометой 'обл.' и значением 'известно, ясно'. В СВГ же это сочетание отмечено со значением 'конечно, разумеется': *Зна́мо де́ло, как на́до сде́лаем, а не как-нибудь.* Тарн. Ковриж. *Зна́мо де́ло, с си́ном к ве́черу упра́вимся.* Гряз. Ваган. *Зна́мо де́ло, чайку́-то попьó.* Гряз. Худын.

Два устойчивых сочетания со словом *шúтка* – *шúтка какáя* и *шúтка не ма́ленькая* – употребляются в качестве вводных для усиления высказанной мысли и подчёркивания важности, значительности чего-либо: *Шúтка какáя, дак никакóй надёжи-то на него́ нет!* Сямж. *Шúтка не ма́ленькая, ско́лько óтдано, когда́ раскула́чивали!* Шексн. Кам.

Значительно шире представлена в СВГ низкая степень уверенности говорящего в вероятности наступления тех или иных событий. Так, она передается словами *бывáй* и *бувáй*, *бывáт*, *бовáт* и *бувáт*, *бывáть*, *бувáть*: *Бывáй, не ста́нут худо́го говорíть.* Тот. Коров. *Бувáй, проживу́ манéнечко.* Вож. Пож. *Ты погоди́ ма́ленько, бывáт, дождж перестáнет.* К-Г. Смольян. *На́до иди́ти в магази́н-от це́ця́с, бовáт, потóм наро́ду вно́го бу́дет.* В-У. Пал. *На́до се́но-то ско́сить, бувáт, с утра́ дождж бу́дет.* К-Г. Рудн. *Ты, бывáть, любишь молоко́-то, а мне и бли́зко его́ не на́до.* Баб. Лев. *Потóм, бувáть, соберу́сь к ей в го́сти.* Тарн. Рамен.

Всякое предположение говорящего основано на житейском опыте или знании ситуации. Об этом свидетельствует использование слов *зна́юще*, *зна́ще*, *вся́ко*, имеющих значение 'по-видимому, видно, вероятно': *Зна́юще, се́но се́дни не вы́сохнет.* Баб. Туп. *С се́веру занóс, так опя́ть дождь пойдёт, знаи́тё.* В-У. Пал. *Кто-то колóтиччя, зна́шишо, Си́мка прии́ла.* Верх. Берег. *Вся́ко, э́то вчера́ о́са меня́ садну́ла. Да́к, вся́ко, и я не бу́ду*

поливать. Гряз. Троицк. *Пойдú схожú к дéвкам, всяко, уж пришлú. Сок. Мочал.*

Семантика предположения, допущения реализуется с помощью ряда синонимов: *ка́жет, кажúсе, кажúсь, казúт*: *Кáжет, он приéхаУ. Кáжет, не създитъ мне.* Хар. Никул. *Кáжот, погóда нóнче дóбрая.* Сок. Енса. *Пáрни, кажúсе, рúньше лúчнее былú.* Влгд. Меньш. *Кажúсе, Вáська идёт домóй.* В-У. Алекс. *Чтó-то опётъ завола́кивало нéбо, кажúсь, дождь бúдет.* Сок. Вас. *Зáвтра, казúт, зять приéдет.* Ньюкс. Лесют.

Близки по значению слова *ровно, ровнушко, ровнышко*: *Эту-то до-рóжку, рóвно, вúтку, а бóле уж не бúду, не смогú.* Сямж. Монаст. *Рóвно, тот полúчнее горшóк-то, егó и возмú.* Гряз. Дор. *Тепёрь, рóвно бы, всё отдал, только бы нé было никакóй войнú.* Гряз. Дор. *Семь, рóвнушко, сыновéй у негó.* К-Г. Плоск. *Лежú и дúмаю: сейчáс, рóвнушко, умрú, вот до чегó хúдо бýло.* Влгд. *Там, рóвнышко, склáды стоéли.* Баб. Вас.

Сходная семантика выражается «темными» с точки зрения этимологии вводно-модальными словами *мéкае, мóко* и *глядá*: *Кинá, мéкае, нет.* Кир. Рус. *Онá, мóко, отлежалась и домóй прибеглá.* Сямж. Выс. *Я, гляда, в тот выходнóй ходúла али нет?* Вож. Пожар. *Емú, гляда, принудúловки давали мéсяц в колхозе.* Баб. Горка. *Гляда, пошóркать нáдо крыльцо, по-гóда бóльно хорóшая.* Тот. Целев. Такими же неясными, на наш взгляд, являются слова *пыко, пыкочи* со значением 'по всей вероятности, наверное': *Бóльше, пыко, и не дадут.* Гряз. Вохт. *Пыко, скóро хозяин придёт.* Гряз. Михалк. *Пыкочи, уж грúзди да ры́жики пошлú.* Тот. Б. Горох.

Семантику предположительности высказывания передают также диалектные модальные частицы, например, *как*, имеющая значение 'как будто, кажется': *Пойдú на вúшку, там как котя́та ка́Укают.* Хар. Никул. Сомнение в достоверности информации косвенно выражают вопросительные частицы *рáзбе* и *рэзе*, соотносительные с общенародными *разве, неужели*: *В шкóле не былá рáзбе?* Сок. Б. Иван. *Не знáю, что бы ещё и сдéлать, рáзбе огурчú полúть?* Сок. Васил. — *Мáма, самовáр на столé, давай́те чай пить. — Ты рáзе хочешь?* Сямж. Монаст. *Да рáзе давали сéно-то корóвам?* Гарн. Зареч. *Ты чегó скожуркалась-то? Рáзе замёрзла?* Вож. Мих. *Кушто, дéУка, ведрó-то грязное?* Вож. Назар.

Следует отметить явную полифункциональность подобных слов: нередко они входят в целые гнезда омонимов. Так, диалектное *на́ре* представлено тремя омонимами: частицей, вводным словом и междометием. Вводное слово имеет, во-первых, значение 'наверно, может быть': *Запро-ход, на́ре, вино́-то берёт.* Ник. Рокун. *Визготёнъ, на́ре, такáя поднялась у клубá-то.* Ник. Рокун. Во-вторых, отмечено значение 'наконец, в конце концов' *Да где, на́ре, лóшадь-та? Трётей час ишшú!* К-Г. Смольян. А в функции междометия *на́ре* выражает, по мнению составителей, удивле-

ние, испуг, смущение: *Ты не хочешь и луку? Ну, па́ре!* Верх. Харит. *Как и до сме́рти дожи́ть, па́ре!* К-Г. Плоск.

Образованные от местоимения наречия *на́что* и *начто́* используются в вопросительных предложениях со значением 'зачем, с какой целью' и содержат имплицитное несогласие говорящего, отрицательную оценку им описываемого события: *На́что, на́что ре́жешь-то, во́лосъё тако́е хоро́шоё?* Сок. Вас. *Нацё тебе́ она́, ведь уж ста́рая коро́ва-то?* Тарн. Целк. Частица *начто́* со значением 'разве, неужели, что ли' также содержит авторскую оценку: *Зимой на́что провожа́ли его́?* В-У. Никул. *Рупь на́что килогра́мм ры́ба-то?* Влгд. Пеган. *Нацё ты прие́дешь, а не О́льга?* К-Г. Плоск. А омонимичное ему вводное слово используется для выражения неуверенности, предположения автора: *Де́вкам, на́что, и ва́рить-то не в чем.* Тарн. Целк. *Это, на́что, свои́ о́вцы-то, чужие́ не легли́ бы у воро́т.* Тарн. Целк. *Тебе́, на́штё, лет де́вятна́дцать — два́дцать уже́ есть?* Баб. Кокш.

Широко распространена среди таких модальных слов многозначность. Так, слово *зна́мо* в СВГ отмечено с двумя значениями, первое – 'конечно': *Зна́мо, де́вки, убра́ли, так и на ду́ше лёгче.* Гряз. Вохт. *Зна́мо, она́ заму́ж не пойдёт за него́.* Гряз. Жерн. Второе значение – 'наверное': *Зна́мо, вы уста́ли.* Гряз. Семен. *Зна́мо, она́ меня́ знаёт.* Тарн. Целк. *Зна́мо, дождж бу́дет.* Гряз. Аксен. Как видим, стирание грани между высокой и низкой степенью вероятности может происходить и в рамках одной лексемы.

Развитие значений может принимать характер противоположности. Так, наречие *сто́йно*, имеющее значение 'обязательно, несомненно', встречается в примерах: *Я тебе́ тра́ктор сто́йно сде́лаю.* Кир. Якш. *Се́д-ни к ве́черу сто́йно дождь пойдёт.* Нюкс. Здесь оно входит в состав пропозиции, а омонимичная ему частица указывает, напротив, на предположительность высказывания, отражая сомнение говорящего в достоверности чего-либо: 'кажется, вроде': *Сто́йно ты шла по до́ро́г-то? Я смотре́ла, а узна́ть тебя́ не могла́, далеко́-то не ви́жу.* Сямж. Мо-наст.

Вторая сфера достоверности – истинность – отражает представления говорящего о правдивости или ложности информации, заложенной в высказывании. В СВГ встретились лишь два элемента, выражающих отношение к истинности: вводное слово *пра́вотко* и предложно-падежное сочетание *до пра́вды*. Первое имеет значение 'в самом деле, действительно, право' и соотносится с литературным *правда*: *Нет, де́вки, пра́вотко, при-езжа́йте-ко к нам, до́брó ведь у нас, са́ми ви́дите.* Сок. Нестер. Сходную семантику передаёт и сочетание *до пра́вды*, но чаще всего оно используется в вопросе, требующем подтверждения: *Говора́т, Фа́йна-то в Лукй́н-*

ской на пеці лёжыт, до правды? Сямж. Монаст. До правды, што лі стогот, котóрый ста́вили, свалі́лсэ? Сямж. Монаст.

Наблюдения над СВГ позволили обнаружить широкое использование разнообразных средств для выражения авторизации. И в диалектной речи четкого разграничения степеней уверенности не существует. Вводно-модальные слова имеют чаще значение предположения, неуверенности. По-видимому, это связано с тем, что большинство информантов – женщины, для которых, как отмечают исследователи гендерных особенностей речи, как раз и характерно выражение невысокой степени уверенности в содержании информации.

Мы обнаружили развитую синонимию, многозначность и полифункциональность ряда вводно-модальных слов и частиц. Нередко они являются омонимами к самостоятельным словам – наречиям (*рòвно, зна́мо, сто́йно*), реже глагольным формам (*быва́ть, оживи́ло*) и местоимениям (*на́что, вся́ко*). Изменение внешнего облика знаменательных слов при морфолого-синтаксическом переходе их во вводно-модальные компоненты происходит чаще всего за счет стяжения или фонетической переогласовки: *быва́т, бова́т, бува́т, быва́ть, бува́ть, батъ* (от *быва́ть*), *бу́де* (от *бу́дет*), *бува́й, быва́й* (от *быва́й*), *ра́збе* и *ра́зе* (от *ра́зве*), *мот* (от *мо́жет*). Этимология отдельных слов и выражений (например, *ку́што, на́йдок, пы́ко, пы́кочи, ме́кае, мо́ко, па́ре*), требует специального исследования.

Проведенные наблюдения над авторизацией в речи диалектоносителей позволили выявить ее разнообразие, яркость и функциональную значимость, что является еще одним свидетельством богатства и многоликости народной речи.

Литература

Беляева Е.И. Достоверность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л., 1990. – С. 157–170.

Бирюлин Л.А., Корди Е.Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л., 1990. – С. 67–71.

Бондарко А.В. Модальность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л., 1990. – С. 59–66.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М., 2005.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. – М., 2006.

Парменова Т.В. О модальности диалектной речи (на материале Словаря вологодских говоров) // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов. Ч. 3 / Отв. ред. Е.Н. Шаброва. – Вологда, 2009. – С. 5–13.

Словари

МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4. Изд. 2. – М: Русский язык, 1981–1984.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / Под ред. Т.Г. Паникаровской и Л.Ю. Зориной. – Вологда, 1983–2007.

З.А. Петрова, Е.В. Пурицкая
Санкт-Петербург

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ*

Оппозиция *свой – чужой* — одна из универсальных, она «пронизывает всю культуру и является одним из главных компонентов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов: 126]. Эквивалентная оппозиция *свой – чужой* структурирует предметно-понятийный, образный, ассоциативно-оценочный уровни соответствующих концептов как в литературном, так и в диалектном языке, позволяя конкретизировать этнокультурную специфику представления *свой – чужой* в диалектной языковой картине мира.

Материалом нашего исследования являются не ответы анкетного типа, а связные тексты свободного тематического диапазона, записанные в Псковской и Тверской областях для Картотеки «Псковского областного словаря с историческими данными» (далее КПОС) и картотеки Словаря «Селигер: Материалы по русской диалектологии» (далее КС). (Картотеки хранятся в Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ).

Оппозиция *свой – чужой* в языковых представлениях современной русской деревни проецируется на оппозицию высшего ранга *я – другие*. Общность с *другими* и противоположение им базируется на таком существенном признаке этноса, как родной язык. Родной язык во многих высказываниях носителей диалекта осознается как главный признак русскости. Он характеризуется как правильный, понятный, а контактирующие языки — как чужие, непонятные, неправильные. Носители псковских и тверских говоров обобщенно называют представителей балтийских и финно-угорских народов *чухня, чухны, чухонцы*. Это наименование скорее нейтральное, употребляющееся наравне с конкретными общерусскими

* Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.2.3.1/2826 «Поддержание и развитие уникальных картотек факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета — базы научных исследований и учебных практик».